

От союзника к врагу: Османская империя в публицистике Эфраима Дейнарда

Эстер Игоревна Зыскина

(Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль)

Бакалавр востоковедения, ORCID ID: 0000-0002-1907-5366,
2-й курс магистратуры, Еврейский университет в Иерусалиме,
факультет гуманитарных наук, кафедра истории еврейского
народа и современного иудаизма, 9190501 Иерусалим,
Израиль, Маунт Скопус, E-mail: eticatka@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3380.2018.18.2.2

Аннотация: В статье рассматривается трансформация образа Османской империи в работах выдающегося еврейского публициста рубежа XIX–XX вв. Эфраима Дейнарда (проанализированы два произведения, написанные с разницей в 26 лет: «Atidot Israel» («Будущее Израиля») 1892 г. и «Tzion be'ad mi?» («Для кого Сион?») 1918 г. В этих работах Дейнард находит место для обозначения своей позиции относительно Османской империи. Более того, мы можем наблюдать радикальную переориентацию Дейнарда по этому вопросу: его позиции в «Atidot Israel» и в «Tzion be'ad mi?» прямо противоположны.

Можно выделить три основных аспекта, по которым Дейнард оценивает ситуацию в Османской империи, и где изменение его позиции отразилось наиболее ярко: 1) политика Османской империи в отношении евреев; 2) экономическая и внешнеполитическая ситуация в империи; 3) уровень культурной жизни в стране.

Пристальное внимание, которое Дейнард обращал на Османскую империю на протяжении столь длительного периода, и такая радикальная смена отношения к ней неслучайны. Вначале с этой страной были связаны сионистские ожидания Дейнарда, поскольку на момент написания «Atidot Israel» Земля Израиля была территорией Османской империи. Соответственно, после Первой мировой войны и в особенности после декларации Бальфура 1917 г. основ-

ные надежды сионистов были возложены на Британию, а Турция, проигравшая в войне и потерявшая важную для евреев территорию, больше не могла быть объектом восхваления со стороны Дейнарда. Кроме этого, на момент написания «Tzion be'ad mi?» Дейнард уже тридцать лет жил в Соединенных Штатах Америки, и логично предположить, что его публицистика была направлена на противника США в Первой мировой войне.

Это изменение позиции выглядит особенно любопытно в контексте истории еврейского просвещения в Российской империи. На протяжении большей части XIX в. маскилим считали необходимой интеграцию евреев в российское общество и, соответственно, видели союзника в лице российского правительства. Государственные власти Российской империи, со своей стороны, предпринимали попытки ассимиляции евреев, превращения их в интегральную часть однородного российского общества. Однако после погромов 1880-х гг. резко сменился вектор и в государственной политике относительно евреев, и, вследствие этого, в позиции евреев в отношении государственной власти. На фоне ужесточения политики и появления в ней откровенно антисемитских черт маскилим перестали рассматривать государство как своего союзника и, напротив, сделали его объектом своей ожесточенной критики.

Вышеупомянутые работы Дейнарда были написаны уже после начала осуществления антисемитской политики российских властей. Более того, эта политика стала косвенной причиной его положительного отношения к Османской империи: в «Atidot Israel» Дейнард противопоставляет Турцию России, основываясь именно на положении евреев в обоих государствах. Османская империя заняла в публицистике Дейнарда то же самое место, что занимала Российская империя у его предшественников, российских маскилим, и его надежды на сотрудничество с государством точно так же сменились разочарованием и критикой. Таким образом, можно предположить, что изменение взглядов Дейнарда может коррелировать с аналогичным процессом в мировоззрении российских маскилим.

Ключевые слова: *евреи, Хаскала, Османская империя*

В публицистике Эфраима Дейнарда (1846–1930), выдающегося еврейского писателя, библиофила, крупного деятеля американской еврейской общины¹, мы встречаем любопытный пример сочетания еврейского национализма с идеями еврейского Просвещения. Речь идет об отношении Дейнарда к государству, которое особенно ярко проявляется в его взглядах на Османскую империю (и впоследствии на Турцию)². Любопытнее всего в позиции Дейнарда в отношении Турции два следующих момента, которые и легли в основу данного исследования: во-первых, радикальная трансформация его взглядов с течением времени (между 1892 и 1918 гг.) и с изменением политической ситуации; во-вторых, корреляция этой трансформации с аналогичным процессом, произошедшим среди российских маскилим в 1880-е гг., то есть с их кардинальной переменой отношения к российскому правительству и к Российской империи как к государству.

В настоящем исследовании продолжается рассмотрение и анализ личности Дейнарда и его литературных работ в контексте идеологии российской Хаскалы на ее позднем этапе. Несмотря на то, что хронологически рассматриваемый отрезок времени выходит за принятые в историографии рамки периода Хаскалы, мы находим в работах Дейнарда многочисленные признаки влияния идеологии еврейского Просвещения. В данном случае это влияние сказалось на политических взглядах Дейнарда.

Известно, что с сионистами, современником и во многом единомышленником которых являлся Дейнард, произошла такая же радикальная перемена отношения к Турции, что и у Дейнарда: от надежд на выгодное сотрудничество к резкому осуждению. Однако этот вопрос не затрагивается в данном исследовании, вообще он достаточно хорошо изучен и подробно описан, см., например: [Friedman 1977; Авинери 2004]. В статье эта «смена вектора» будет рассмотрена именно в

¹ Подробнее см. [Зыскина 2018, 63].

² В рассмотренных мной работах Дейнарда употребляет только ивритский топоним *Тогарма*, который я с целью унификации переводила как «Турция» вне зависимости от исторического периода.

контексте российской Хаскалы. Соотнесение публицистики Дейнарда с идеологией сионизма, таким образом, может стать плодотворным материалом для будущих исследований.

К теме взаимоотношений евреев и Османской империи Дейнард обращался неоднократно на протяжении всей своей литературной и публицистической карьеры. Мы рассмотрим два произведения, где Дейнард особенно подробно рассуждает на эту тему — «Atidot Israel» («Будущее Израиля», 1892) и «Tzion be'ad mi?» («Для кого Сион?», 1918). Эти два произведения не только представляют собой два примера публицистики Дейнарда разных периодов, но и демонстрируют кардинальные изменения в его позиции.

Можно выделить три основных аспекта турецкой политики, которые волновали Дейнарда больше всего: 1) политика Османской империи в отношении евреев и перспективы взаимодействия между евреями и османским правительством; 2) экономическое и внешнеполитическое положение Турции; 3) культура и культурная политика в Османской империи.

Далее мы рассмотрим эти аспекты подробнее. Как в «Atidot Israel», так и в «Tzion be'ad mi?» Дейнард уделяет внимание каждому из них. Однако если при анализе «Atidot Israel» становится очевидна проосманская позиция Дейнарда, то в «Tzion be'ad mi?» мы встречаем ее полную противоположность.

Взаимоотношения евреев и османских властей

Вопрос политики турецкого правительства в отношении евреев и возможности их взаимодействия волновал Дейнарда и в конце XIX в., и после Первой мировой войны. Как следует из «Atidot Israel», на момент написания этой работы Дейнард был настроен в высшей степени оптимистично, не сомневался в позитивном отношении к евреям со стороны османских властей и предполагал, что сотрудничество между ними, во-первых, весьма вероятно, во-вторых — должно стать благотворным и взаимовыгодным. В частности обращаясь к истории Турции, Дейнард отмечал положительное отношение турецкого правительства к евреям в прошлом:

«Султан говорил [семь лет назад — прим. авт.], что только еврей сможет <...> быть верным сыном Турции, потому что никогда нельзя быть уверенным, что русский, француз или британец <...> будут хотеть блага для своей страны, а не блага для Турции» [Deinard 1892, 33]. Исходя из этого, Дейнард считал сотрудничество евреев с Османской империей не только возможным, но и обязательным в столь благоприятных условиях: «Прежде всего мы должны идти рука об руку с правительством Турции» [Там же, 29].

Взаимная выгода, которую Дейнард видел в этом сценарии, состояла в следующем: Османская империя могла, по его мнению, улучшить свое экономическое положение, а евреи — главным образом, еврейские националисты, — достичь своих сионистских целей и договориться с османским правительством о разрешении на заселение Земли Израила.

Прежде чем рассмотреть этот вопрос подробнее, мы обратимся к трансформации, которую претерпела точка зрения Дейнарда. В «Tzion be'ad mi?», вышедшей в свет через 26 лет после «Atidot Israel», мы наблюдаем следующее: оптимизм Дейнарда сменился разочарованием, и он не просто отрицает возможность сотрудничества между турецким правительством и сионистами, а подчеркивает, что «уже... на протяжении 35 лет турецкое правительство ставит препятствия на пути возвращавшихся в Сион» [Deinard 1918, 92].

Важно отметить, что Дейнард упоминает срок в 35 лет, то есть больший, чем временной промежуток между «Atidot Israel» и «Tzion be'ad mi?». Такая смена точки зрения задним числом может рассматриваться как еще один признак его разочарования. Если в 1892 г. Дейнард говорит о благосклонном отношении султана к евреям и уверен в том, что условия жизни для евреев в Османской империи благоприятны, то в работе 1918 г. его точка зрения меняется на противоположную. Дейнард отмечает негативное отношение османских властей к евреям, более того — он ссылается на бедственное положение евреев, которые проживают на территории Турции: «Евреи в Турции <...> очень бедны, живут несчастной жизнью, как и весь простой народ, <...> но не ропщут на свою судьбу, видя, что судьба всего народа не лучше их судьбы.

Жизни лучшей, чем эта, они не видели и не знали. Европейское просвещение им чуждо, как и всему простому народу» [Deinard 1918, 91].

Здесь мы также убеждаемся в том, что распространение достижений европейского Просвещения являлось для Дейнарда одним из важнейших критериев качества жизни. Низкое качество жизни турецких евреев было в его глазах неразрывно связано с негативным отношением турецких властей. Еще одним важным фактором еврейского взаимодействия с властями Османской империи Дейнард считал участие в экономической и политической жизни. Далее мы рассмотрим, как отразилось изменение его отношения к Турции в понимании этой сферы.

Политическое и экономическое положение Турции

Как было отмечено, позиция Дейнарда в отношении экономической и политической ситуации в Османской империи непосредственно вытекала из его сионистских ожиданий и надежд на взаимовыгодное сотрудничество с османским правительством. Как и в описанном выше случае, его первоначальный оптимизм и здесь сменился разочарованием и острой критикой.

В «Atidot Israel» Дейнард не только описывает шаги, которые необходимо предпринять евреям для налаживания контактов с турецким правительством, но и предлагает программу действий для самого правительства, а также перечисляет те преимущества, которые обретет Османская империя от этого сотрудничества:

После того, как это правительство узнает, что большая часть торговли в его стране сосредоточена в руках греков и армян, враждебных ей <...>, оно должно извлечь торговлю из их рук и передать ее в руки турок и евреев. <...> Этим оно обогатит свою страну великим богатством, отдалит от него других <...> христиан [Deinard 1892, 29–30].

Между прочим, здесь Дейнард прибегает к антихристианской риторике, чтобы по контрасту с христианами — ар-

мянами и греками — продемонстрировать положительные качества евреев. В «Atidot Israel» и других работах Дейнард неоднократно противопоставляет иудеев и мусульман христианам — не в пользу последних, см., например: [Deinard 1892, 37–38]. Более того, на данном этапе Дейнард несколько наивно предполагает, что османское правительство не идет на экономическое сотрудничество с евреями просто потому, что не имеет представления об истинных намерениях своих подданных.

Кроме того, Дейнард отмечает угрозу, исходящую от крупных европейских держав в отношении Османской империи. По его мнению, чтобы защититься от возможных территориальных претензий со стороны Англии или Франции и укрепить свои прибрежные территории, османскому правительству надлежало позволить евреям селиться на этих территориях:

[Турции] будет нетрудно бесплатно дать сыновьям Израиля землю на необитаемых островах архипелагов <...>. [Е]вреи создадут там города, чтобы жить на этих благословенных островах. Этим они [благотворно повлияют] на государственную торговлю и политический статус государства, потому что эти острова — ключ к Дарданеллам и к столице. <...> Также правительство Турции должно вернуть [евреев] на берег Красного моря, <...> потому что иначе <...> достанется Святая Земля в удел Франции или Британии. <...> Кипр сейчас в руках Британии — что ей стоит захватить все города на побережьях Средиземного моря? [Deinard 1892, 30–31].

Как следует из этого отрывка, Дейнард не только рассматривал шаги, которые должны были предпринять евреи для налаживания отношений с турецким правительством, но и предлагал программу действий для самого турецкого правительства. Мы снова сталкиваемся с уверенностью Дейнарда в том, что государство согласится принять меры, которые он предлагает, и что османское правительство осознаёт все положительные стороны этого потенциального сотрудничества: «Если эта земля достанется Израилю, знает правительство Турции, что эти ее [Турции] соседи — ее вечные [союзники]» [Deinard 1892, 36].

При анализе «Tzion be'ad mi?» мы сталкиваемся с совершенно противоположной картиной. В главе, посвященной взаимоотношениям с Турцией, Дейнард не предлагает никаких программ действий и не упоминает возможностей успешного сотрудничества с турецким правительством. Напротив, Турция становится объектом его критики. Он уверенно пишет о внешнеполитической слабости Турции, а также о ненадежности Германии — союзника Турции в Первой мировой войне, еще не закончившейся на момент написания «Tzion be'ad mi?»:

И вот подумали младотурки, что пришло время «обрубить вожжи» с помощью Германии, и не поняли, чем Германия лучше Франции и Британии. <...> Британия, Франция и Италия — морские державы, всегда смогут закрыть от нее все побережья Средиземного и Красного моря. <...> Не в силах Германии будет помочь ей [Deinard 1918, 87, кавычки мои — прим. авт.].

С точки зрения Дейнарда, политическая несостоятельность Турции повлекла за собой ухудшение экономической ситуации. Здесь стоит отметить весьма неплохую осведомленность Дейнарда, в частности о долгах Турции и Германии: «Ее долги выросли в 1913 г. до суммы 3 500 000 000 франков. Большую часть денег она взяла в долг у Франции и Британии <...>. Если бы не Франция, Британия и Сардиния, которые воевали за нее в Севастополе в 1854–1856, Россия уже захватила бы Дарданеллы» [Deinard 1918, 86]. Или: «Долги Германии сейчас достигли 125 миллиардов марок, и это больше, чем долги России, Франции и Италии вместе взятых. Есть большие сомнения, сможет ли она дать Турции еще денег в долг» [Там же, 87].

Еще одна причина, приведшая к экономическому краху Турции, как пишет Дейнард, — коррупция, а также неудовлетворительное состояние промышленности и сельского хозяйства: «Правительство не дало основать фабрики, <...> оно не хотело открывать технические, химические, электротехнические, инженерные училища и т. п. Земледелие <...> в Турции заброшено» [Там же, 85].

В данном случае мы вновь видим смену вектора: если в «Atidot Israel» Дейнард рассчитывал на политическое и экономическое сотрудничество со стороны Турции, то в «Tzion be'ad mi?» его надежды сменились разочарованием и презрением.

Культурная политика Турции

Отдельно стоит рассмотреть изменение позиции Дейнарда в отношении культурной политики в Турции. В «Atidot Israel» мы видим тенденцию, аналогичную описанной выше: Дейнард крайне оптимистичен по поводу перспектив евреев не только в экономическом, но и в культурно-образовательном плане. Османская империя предстает в этой его книге как основной союзник евреев по сравнению с основными европейскими державами, прежде всего — с Россией. Дейнард ссылается в частности на ужесточение политики российских властей в отношении евреев: «Сейчас правительство России закрыло двери университетов перед сынами Израиля» [Deinard 1892, 33]. Вследствие этого, с точки зрения Дейнарда, стремящаяся к знаниям еврейская молодежь из России должна была бы отправиться «учиться в Константинополь, в особенности — изучать юриспруденцию, политэкономия», при этом, пишет Дейнард, «нет сомнения, что [они] достигнут высоких позиций в государстве» [Там же, 29]. Между прочим, Дейнард замечает, что поддержка таких молодых евреев должна была осуществляться не напрямую государством, а специальным еврейским комитетом³, который должны были бы создать евреи с целью осуществления еврейского самоуправления: «Моей целью было, <...> чтобы объединились все любящие Сион основать всеобщий совет в Константинополе» [Там же].

Посыл Дейнарда очевиден: в Османской империи, более просвещенной и толерантной, на его взгляд, чем Россия у еврейской молодежи будет возможность, во-первых, бес-

³ Подробнее об идеях Дейнарда по поводу этого комитета см. [Deinard 1892, 29–33, 92].

препятственно получить высшее образование, во-вторых, добиться карьерных успехов. В свете этого преобразование его точки зрения в «Tzion be'ad mi?» кажется особенно удивительным: его мнение о культурном развитии Турции прямо противоречит вышеописанной точке зрения:

Теперь посмотрим, что делали [турецкие власти] на всем протяжении своего правления. <...> Кто были турецкие мудрецы? Где ее литература и писатели? Поищите со свечами, найдете ли хотя бы одного мудреца, который отличился бы в какой-либо науке? Нет в мире турецкой литературы. Нет писателей и школ. И если мы найдем [ученого человека], то это тот, кому пришлось ехать учиться в Европу [Deinard 1918, 84].

Свою критику Дейнард обращает и на национально-культурную политику Турции в целом. Ярче всего это проявляется в следующем отрывке, который можно назвать квинтэссенцией его изменившейся позиции:

Турция <...> захватила разные и многочисленные народы. Но она никогда не стремилась узнать особенные черты этих народов и правила ими с жестокостью. Она не создала своей особенной культуры, не могла повлиять на своих подданных, все разные народы она считала чужими себе <...> и не давала никакой культуре влиять на себя. Ее окна были закрыты так, что в них не проникал никакой свет, а все основы ее правления стояли на мече и крови. <...> Турция не стремилась приспособить свое дикое правительство под дух времени, не чувствовала, что надо улучшить положение своих <...> подданных, чтобы они не восстали против деспотичности ее правительства. <...> Она противостояла всему новому и хорошему, что рождалось у просвещенных народов [Deinard 1918, 86].

Таким образом, в каждом из рассмотренных примеров мы видим одну и ту же тенденцию: переход от оптимистичного восприятия, надежд на сотрудничество и позитивного сравнения с Россией к критике, осуждению и даже презрению. Можно обозначить несколько причин внешнего характера, по которым Дейнард так резко переменял свою позицию в отношении Турции. Во-первых, Турция была соперником Антанты

в Первой мировой войне. На момент написания «Tzion be'ad mi?» Дейнард уже на протяжении тридцати лет проживал в США, и логично предположить, что его публицистика должна была быть направлена на противника США в этой войне.

Во-вторых, к моменту написания «Tzion be'ad mi?» территория Земли Израиля уже не находилась под властью Турции, и основные надежды на помощь в основании еврейского государства сионисты стали возлагать на Великобританию — в особенности после Декларации Бальфура в 1917 г. Соответственно перемена вектора в сионистском движении отразилась и на публицистике Дейнарда.

Так или иначе, в произведениях Дейнарда Турция перестала фигурировать как идеальное государство, которое потенциально могло бы стать основным союзником сионистски настроенных евреев, и эта точка зрения сменилась категорическим осуждением Турции. Однако для более глубокого понимания этой трансформации необходимо обратиться к историческому контексту, в котором формировалась идеология Дейнарда.

Роль государства в идеологии русской Хаскалы

В идеологии еврейского Просвещения, в том числе и восточноевропейского, государство неизменно занимало важное место. Так, на протяжении первых трех четвертей XIX в. российским маскилим была свойственна безоговорочная поддержка царского режима. Например, Эммануил Левин, секретарь семьи Гинцбурггов (одной из наиболее влиятельных еврейских купеческих семей, проживавших в Санкт-Петербурге), положительно высказывался в отношении самодержавия. По мнению Левина, именно такой режим и отсутствие гражданского общества должны были обеспечить успешную интеграцию евреев в русское общество, которому якобы не была свойственна вражда к евреям [Натанс 2007, 71]. Для Левина также была важна интеграция именно с «великорусским» народом, а не с теми народами, среди которых евреи жили в черте оседлости [Там же, 70].

Среди крупнейших купеческих семей, которые наиболее тесно взаимодействовали с правительством в начале царствования Александра II, необходимо отметить уже упомянутое семейство Гинцбургов, чьего представителя — Горация (Нафтали-Герца) Гинцбурга — еврейская пресса того времени характеризовала как «представителя всех любителей Просвещения» [Там же, 76]. Именно от семейства Гинцбургов исходило наибольшее количество ходатайств в адрес правительства.

Тем не менее следует обратить внимание и на тот факт, что подобные купеческие семьи составляли незначительное меньшинство среди еврейского населения. Идеологически они стремились дистанцироваться от основной массы евреев, архаичной и непросвещенной. В их глазах эмансипация была максимально приближена к полной ассимиляции с российским обществом [Cassedy 1993–1994, 131].

Российские власти не рассматривали еврейских просветителей в качестве своих союзников. Они не выделяли маскималь из общей массы еврейского населения. Однако еврейский вопрос входил в повестку дня российских властей на протяжении всего XIX в. [Натанс 2007, 51]. Тем не менее, как пишет Бенджамен Натанс, попытки интегрировать евреев — обособленную и отчужденную от российского общества, но достаточно крупную группу населения — не увенчались успехом [Там же, 50].

Реальные трансформации в еврейском обществе начались лишь в результате реформ Александра II, когда в 1856 г. был отменен институт кантонистов, а ряду групп еврейского населения (купцам I гильдии, выпускникам высших учебных заведений, ремесленникам, отставным солдатам) было разрешено селиться вне черты оседлости [Барталь 2007, 159]. Эти реформы были восприняты еврейской просвещенной интеллигенцией с большим энтузиазмом и с уверенностью в том, что государство действительно поддерживает стремление евреев к просвещению. Однако, как показало изменение государственной политики во время царствования Александра III, российское правительство не ставило перед собой подобных целей.

В 80 гг. XIX в. российская еврейская интеллигенция столкнулась с тяжелым идеологическим кризисом, который стал следствием, во-первых, волны погромов, прокатившейся по черте оседлости, во-вторых, ужесточением государственной политики в отношении евреев. Теперь власти ставили своей целью не ассимилировать евреев, а выжить их из страны. Таким образом, произошел откат назад от либеральных достижений реформ Александра II. В результате чего просветители осознали необходимость смены курса.

Вследствие погромов 1881–1882 гг. и ужесточения государственной политики маскилим перестали видеть в государстве своего союзника, однако оно продолжило занимать важное место в еврейской просветительской идеологии. Теперь в глазах маскилим роль государства в жизни евреев переменялась с положительной на резко отрицательную [Натанс 2007, 223].

Итак, сравнивая две ситуации, мы наблюдаем сходные процессы. Поначалу маскилим видели государство (Российскую империю) как своего очевидного и естественного союзника, но после погромов 1881–1882 гг. они разочаровались в перспективе сотрудничества с государством. Дейнард в свою очередь перенес на Турцию свойственное маскилим ожидание сотрудничества с государством. Как и российские маскилим XIX в., которые считали государство своим важнейшим союзником в просвещении основной массы еврейского населения, Дейнард верил, что государственные власти Османской империи будут способствовать тому, чтобы молодые евреи получали высшее образование, и тому чтобы они приняли активное участие в решении вопроса с еврейскими поселениями в Земле Израиля.

Таким образом, можно предположить, что в мировоззрении Дейнарда могла произойти такая же трансформация, как и в идеологии российских маскилим, однако место России в его публицистике заняла Турция. Сначала она выглядела в его глазах идеальным кандидатом на роль союзника евреев, однако изменение политической ситуации в Турции оказало на Дейнарда такое же влияние, как погромы и ужесточение политики на российских еврейских просветителей, и в его

глазах Турция из потенциального союзника евреев стала их врагом. Несмотря на то, что данное предположение является лишь гипотезой, оно логично встраивается в контекст других проявлений влияния Хаскалы на публицистику Дейнарда.

Источники

Deinard 1892 – *Deinard E. Atidot Israel* (=Будущее Израиля). Нью-арк, 1892. [иврит].

Deinard 1918 – *Deinard E. Tzion be'ad mi?* (=Для кого Сион?) Арлингтон, 1918. [иврит].

Литература

Авинери 2004 – *Авинери Ш.* Происхождение сионизма. М., 2004.

Барталь 2007 – *Барталь И.* От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. М.; Иерусалим, 2007.

Зыскина 2018 – *Зыскина Э.* Между Просвещением и традицией: библейские цитаты и аллюзии в публицистике Эфраима Дейнарда // Тирош — труды по иудаике. Вып. 17. М., 2018. С. 63–73.

Натанс 2007 – *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией. М., 2007.

Cassedy 1993–1994 – *Cassedy S.* Russian-Jewish Intellectuals Confront the Pogroms of 1881: The Example of «Razsvet» // *The Jewish Quarterly Review.* 1993–1994. Vol. 84(2/3) P. 129–152.

Friedman 1977 – *Friedman I.* Germany, Turkey, and Zionism 1897–1918. Oxford University Press, 1977.

From Ally to Enemy: the Ottoman Empire in Publicistic Works by Ephraim Deinard

Esther Zyskina

(The Hebrew University of Jerusalem, Israel)

B.A. in Oriental Studies, ORCID ID: 0000-0002-1907-5366, The Hebrew University of Jerusalem, The Faculty of Humanities, The Department of Jewish History and Contemporary Jewry, M.A. Studies (2nd year): The Hebrew University, Mt. Scopus, Israel, Jerusalem 9190501, tel: +972 2 6585111, E-mail: eticatka@gmail.com

Summary: The paper considers is the transformation of the image of the Ottoman Empire in the publicistic texts by Ephraim Deinard, outstanding Jewish writer and journalist of the turn of the 19th and 20th centuries. The research was based on two Deinard's works, "Atidot Israel" ("The Future of Israel", 1892) and "Tzion be'ad mi?" ("Zion for Whom?", 1918), which deal with a variety of topics, including Deinard's opinion on the Ottoman Empire. In particular, the radical change of his position from the statements in "Atidot Israel" to those in "Tzion be'ad mi?" is observed.

Deinard discusses the following three aspects, each case being a vivid example of this controversy:

1. The Ottoman government's attitude towards Jews and the prospects of the collaboration of the Jewish community with the government;
2. The economic situation in the Ottoman Empire and its foreign policy;
3. The culture and cultural policy in the Ottoman Empire.

Deinard's interest in Turkey was initially caused by his Zionist views, as the Land of Israel was part of the Ottoman Empire. Later, after World War I and especially after the Balfour Declaration in 1917, the Zionists placed their expectations on Britain, while Turkey, after losing the war and the territory so important for Jews, could no more be praised by Deinard. In addition, Deinard had lived in the USA for more than 30 years by 1918, and it is merely logical that his publicistic works were aimed against the USA's enemy in World War I.

This shift looks especially interesting when looked at through the context of the history of the Russian Jewish Enlightenment. A very similar process occurred in the ideology of the Russian maskilim in the 19th century. Throughout the 19th century, they believed that the Jews should be integrated in the Russian society and viewed the Russian government as their ally. The Russian authorities, correspondingly, tried to assimilate the Jews and to make them an integral part of the society. However, after the pogroms of 1880s, the authorities' attitude towards Jews changed dramatically, and so did that of the maskilim towards the government. Laws regarding Jews were tightened and became openly anti-Semitic, and the maskilim started to criticize the state instead of hoping for collaboration with it.

Deinard's works used for this research date to a later period. Moreover, the aforementioned events influenced his positive attitude towards the Ottoman Empire: concerning the status of Jews in the both countries, Deinard opposed Turkey to Russia. Eventually, however, Turkey took the same place for Deinard as Russia did for his predecessors, the maskilim. His hopes for collaboration with the state were just as replaced by disappointment and criticism.

To conclude, the above similarity may suggest that the shift in Deinard's views might have correlated with the change in the ideology of the Russian maskilim.

Keywords: *Jews, Haskalah, Ottoman Empire*

References:

Avineri Sh. Proiskhozhdenie sionizma. Moscow, 2004.

Bartal' I. Ot obshchiny k natsii: evrei Vostochnoi Evropy v 1772–1881 gg. Moscow; Jerusalem, 2007.

Cassedy S. Russian-Jewish Intellectuals Confront the Pogroms of 1881: The Example of «Razsvet» / The Jewish Quarterly Review. 1993–1994. Vol. 84(2/3) P. 129–152.

Friedman I. Germany, Turkey, and Zionism 1897–1918. Oxford, 1977.

Natans B. Za chertoï: Evrei vstrechaitusia s pozdneimperskoï Rossiei. Moscow, 2007.

Zyskina E. Mezhdú Prosveshcheniem i traditsiei: bibleiskie tsitaty i alliuzii v publitsistike Ėfraima Deinarda // Tirosh — trudy po iudaïke. Iss. 17. Moscow, 2018. P. 63–73.